

Наталья Ананьева

"Полет бабочки"

Путь наших детей

Продлит

Наталья Юрьевна Ананьева

Полет бабочки.

Путь наших детей

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422903

Полет бабочки. Путь наших детей: Территория детства; К.; 2020

Аннотация

Книга основана на реальных рассказах женщин об удивительном появлении в их жизни ребенка. «Полет бабочки» – это отражение многогранности женского мира, глубокого женского сердца, где всегда есть место для настоящего чуда. Главная героиня – девочка-подросток – Нинель, попадает после автокатастрофы в потусторонний мир, где встречает родных, знакомых и детей, которые по разным причинам не смогли родиться на свет.

Содержание

Часть 1. О нас молчат	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	24
Часть 2. Полет бабочки	27
Глава 1	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Наталья
Юрьевна Ананьева
Полет бабочки.
Путь наших детей**

**Фонд поддержки
и развития материнства
и детства.**

Рис. 1. «Нинель и Малышка»

Часть 1. О нас молчат

Глава 1

Горячий южный воздух курортного города Манска приветствовал своих гостей. Он без спроса влезал в открытое окно машины и трепал приветливо волосы. Машина, нагретая докрасна от жаркого солнца и груженная на приличные килограммы вещей сверху, медленно покачиваясь, въезжала в маленький курортный городок, обещающий так много перспектив. Здесь, на берегу моря, семью из трех человек: Александра, Полину и их четырнадцатилетнюю Нинель, ожидала не только четырехкомнатная служебная квартира, здоровый климат манящего Юга, но и перспективная должность начальника горнодобывающей промышленности главы сего семейства, с приличными отсюда вытекающими для всех дивидендами.

«Ну вот, добрались, – выдохнул отец. – Наконец-то».

Машина стала замедлять ход в поисках нужного поворота. Мама, несмотря на многочасовую усталость от пути, была на удивление оживлена, и казалось, что вся светилась от счастья. Она то и дело поворачивала голову по сторонам в поисках новых впечатлений, принюхивалась к новому месту и, как водится, искала во всем позитив. Пустынные улицы

спящего квартала освещало вездесущее солнце. Оно лезло во окна двухэтажных деревянных домов, освещало пустые качели во дворе, падало на тенистые скамейки у склонов деревьев, сверкало в открытых настежь окнах.

– Саш, а где все? – вдруг заметила мама.

– Да на работе, наверное, время три дня. Здесь, мать, не Крутогорск. Здесь люди рабочие живут, а значить – занятые делом.

Отец, зачем-то любивший смягчать глаголы, полный воодушевления, надул от важности щеки и поднял указательный палец, смотрящий куда-то вверх!

– Да... значить... значить... Только дети-то у них есть? Смотри, все дворы пустые... Эх, думала, приедем, сразу к соседям, обозначимся. Оно так на новом месте поспокойнее будет.

– Да ладно. Успеем еще, – смягчил ее эмоции отец.

Тут машина остановилась, отец обнял маму от счастья, чмокнул с присвистом в розовую щеку и добавил: «Эх, душа моя. Такая жара!»

Прозвучало победоносное «прибыли!», и тут же начался маленький кошмар под названием «Перетащить всю машину на второй этаж». Наверное, на кругу десятом, между первым и вторым этажом в плюс тридцать восемь, у меня случился микроскопический инсульт... все может быть, но этого так никто и не заметил... И это нормально у нас.

Мама бегала главнокомандующим по комнатам, махала

виртуальной шашкой и командовала парадом расположения вещей. Отец то и дело покрывался потом, много и нервно пил воду, и по привычке про себя смягчал глаголы, только неприличные. Когда бесконечный сумчато-мешковой кошмар был закончен, отец заторопился на работу:

«Все, Полин. Я убежал. Сейчас отмечусь в управлении и назад. Девчонки, готовьте ужин. Я скоро».

Это было последнее, что я помню о папе. Я долго пыталась вспомнить что-то еще. Какую-нибудь мелочь, знак, предчувствие, ну хоть что-то... Нет. Это были просто обычные три часа дня. Такие же, как и сотни прошлых.

И ничего больше.

Глава 2

Наспех натягивая после душа упрямую футболку на мокрый живот, Нинель, она же Нина, торопилась осмотреться вокруг. Нинель была девочкой не то чтобы замкнутой и не то чтобы не очень общительной. Она просто не торопилась сближаться с людьми. Нина была добра и приветлива, всегда здоровалась со старшими, уступала, как учили, малышам, но при всем этом была со всеми на одной дистанции. У нее не было любимых друзей и не было нелюбимых врагов. За такую ее независимость и во всем деловитость, за ее некое «высокое положение», местная детвора переделала ее имя в «высокое графское» и, как водится, не дробя, прилепила смешную и никому не понятную не имя, а кличку – «Нинель».

Прошло четыре часа, а папы все не было дома. Мама, кружившая с тарелками по комнате и поправлявшая время от времени съезжающие с головы бигуди, казалось, не смотрела на время и все без конца торопилась накрывать на стол. На одной маленькой электропечи, у нее, как у Мэри Поппинс в ее волшебной сумке, умещались кипящие кастрюли щей, отварной картошки и чего-то еще по запаху рыбного. Все кипело в ожидании первого вечера в долгожданном новом доме. Глядя на всю эту канитель, Нинель тяжело выдохнула и подошла к распахнутому окну своей комнаты. Теплый ветер обвил ее за талию, откинул назад со лба мокрые локоны во-

лос и затих между оконными рамами. Непонятная тишина обнимала высокие стены домов, сквозь которую было слышно, как перешептываются листья деревьев. Первые сумерки наступали на город, который, казалось, и без того спал. Как странно. Не было слышно ни одного возгласа, детского внезапного крика, лая собаки, шума машин и всего того, что в избытке присутствовало в Крутогорске.

«Лирика спальных райончиков, – подумала Нинель. – Да уж, привыкнем».

В этот момент со стороны кухни, сквозь сбивчивый и эмоциональный рассказ мамы о новом рецепте тортильи, что-то шумно рухнуло. Буквально в один момент яркий по шороху звук оборвался непонятным затишьем. Нинель запустила худые угловатые руки в карманы, вся как бы ссутулилась, свалилась в штаны и, уставившись в одну точку, зашаркала в сторону кухни:

– Мам?

Сделав пару шагов, Нинель остановилась. Что-то внутри сидящее заставило ее замереть и внимательно прислушаться к звукам вокруг. Было слышно, как плещется вода закипевшего чайника, было слышно, как тушится и скворчит под упругой крышкой картофель, но мама не отзывалась. Нинель стояла в двух шагах от поворота на кухню, вслушиваясь в комнату за углом, и не решалась завершить поворот. Она боялась, что-то... что там увидит, будет ответом неожиданному страху в ее голове. И он, как навязчивая тень, будет

еще долго преследовать ее в голове... и возвращать... возвращать ее память.

Мамы не оказалось ни на кухне, ни в спальне, ни в доме вообще.

«Может, ушла к соседке?» – думала Нинель. Она по привычке запустила руки в длинные карманы и, шаркая ногами, шагала по пустым улицам. Лишь редкие пешеходы переходили из угла в угол дороги, ничем не интересовавшиеся, ни на что не смотревшие, ни о чем не говорившие, словно не люди, а тени, по какой-то причине потерявшие свою ось вращения.

«Да, точно, – продолжался внутренний монолог Нины. – Она же так и хотела. Как раз время вечер, все вернулись с работы, и она наверняка познакомилась и заговорила. Нужно просто всех подождать дома».

Поднимаясь по грузным скрипящим ступенькам подъезда, внезапно погрузившегося в вечерние сумерки, она закрыла за собой «на всякий русский пожарный» дверь на тугую щеколду, включила свет и села в позу ожидания напротив стола на кухне. Странно, но именно в такой позе совсем еще недавно ее дожидалась вечерами мать.

Мама сидела в одной-единственной освещенной комнате в тёмной квартире за аккуратно убранном кухонным столом, теребя руками свисающую со скатерти тесемку. Эта поза все контролирующей мамы всегда приводила Нинель в негодование. Ущемление собственного свободного пространства,

недоверие к ней и ее поступкам, к ее друзьям вызывало в ней волну противоречия. Такие вечера всегда заканчивались одинаково – переброской парочки колких реплик и двухдневным молчанием. Как теперь это все было не важно. Как она теперь была далека от всего этого, и как хотелось бы теперь поступить по-другому.

Мама... какое прекрасное, теплое слово из банальных четырех букв... Мама. Мамочка. Ворвавшийся холодный ветер проскрипел деревянными ставнями, пробежался по коже Нинель мурашками и заставил закрыть оконные рамы. Собирая руками разлетевшиеся от ветерка шторы и тихонько поправляя ажурные складки, Нинель вдруг увидела, что в доме напротив ни в одном из окон не горит свет. Окна, стоящие настежь открытые в жаркий полдень, продолжали молчаливо качать занавесками, оставшись без внимания на ночь. Нина увидела, что света нет ни в доме напротив, ни в еще одном доме, ни в домах, стоявших на улице в целом, на которой все-таки обозначились люди. Случайные пешие ходили как бы устало и не торопясь: «Все. Пора расставить все точки над "И"».

Смотря на тихие нерасторопные силуэты, Нинель проскрипела с сарказмом: «Конечно, до столько-то работать! Зачем только домой приходить? Проще жить на работе», – перебирала в голове Нинель, сбегая вниз по ступенькам. Она открыла подъездную дверь и направилась напрямиком к первому, уже уходящему от нее вдаль встречному.

«Мужчина!» – догоняя прохожего в шляпе, кричала Нинель.

«Мужчина, да постойте же вы. Мужчина, где у вас управление?» – Наконец-то догнав незнакомца, Нина что есть силы дернула его за рукав.

Лицо обернувшегося мужчины лет сорока было серым, без намека на румянец и жизнь, равно как и его руки. Темные круги под глазами очерчивали беспристрастный, безучастный, ничего не помнящий и не понимающий взгляд. В нем не содержалось ни единой мысли и ни единого чувства. Это взгляд был направлен не на Нину, а сквозь нее. От него вдруг повеяло холодом, который забрался Нинель за шиворот и заставил ее кричать. Не помня как, она влетела в квартиру. Борясь с упрямым засовом, ее пальцы как будто онемели, от страха не слушались и срывались с замка. «Черт... да давай же!» – выругалась на себя Нинель, осилив-таки тугую щеколду и на ходу умирняя свое сбивчивое, частое дыхание.

«Надо выключить свет, – промелькнуло в голове. – Скорее!»

Нинель подбежала и проворно выключила свет. Впопыхах она стала задергивать прозрачные шторы, стараясь создавать густые и менее прозрачные складки ажурной тюли в намерении усилить ее плотность. Сквозь тонкую ткань было видно, как любопытные лица заглядывали в окно, что-то искали большими, распахнутыми глазами, пере-шёптывались и трепали карниз.

Рис. 2. «Окно»

Обхватив ноги руками и стараясь выровнять вышедшее из-под контроля дыхание, делая его ровным и менее шумным, Нина спряталась на полу за кухонным столом, прижавшись спиной к его ножке. Она еще долго слышала лёгкие шорохи, постукивания, потрескивания со стороны окна, но вскоре все прекратилось и стихло.

Глава 3

Не помня как, Нинель, сидя в своем «убежище», уснула, и теплое солнце, которое так обманчиво встречало ее вчера, сегодня нахально разбудило ее, нагрев через стекло докрасна щеку. Пришедшее утро Нинель могла смело отнести к категории «не доброе».

«Надо же так влипнуть! Черт, как больно!» – говорила Нина, растирая ноги руками. Затекшие за ночь непослушные ноги покрылись мурашками и с болью вытягивались вперед. Недоверчиво подойдя к подоконнику, Нинель окинула взглядом открывающийся перед ней пейзаж. Деревья с бриллиантовой листвой едва колыхались от ветра. Казалось, что они не хотели сильно тревожиться и шуметь густой листвой склонов – без конца замирали и грелись на солнышке. Яркая, сочная зелень ослепляла глаза. Бескрайнее ясное небо манило своей необъятностью. Глядя на него, так и хотелось расправить крылья и лететь... лететь... лететь. Дворовые качели лениво покачивались, и было слышно, как, иногда поскрипывая, возмущались оконные ставни надоедливym ветром, который был единственным, вносящим во все оживление и мешавшим всему городу спать... спать... спать...

Думалось: «Надо отсюда выбираться. Но как? Есть ли тут какой-нибудь транспорт? Автобус, трамвай, самолет? Хоть что-то? Пойду взорву интернет пустяшным вопросом "Как

выбраться из собственного кошмара?" Или "Как проснуться, когда спишь". Попробую зауглю. Сто пудов у глобальной сети есть для меня парочка вариантов».

Перехватив на бегу бутерброд из котлеты на булке, наспех запивая вчерашним холодным чаем, Нинель вытянула угловатые коленки в стороны, погрузив на них старенький ноут. «Эх... мамины вкусности так и остались нетронутыми. Блюда, сделанные с душой и любовью, уже остывшие, но сделанные с ее теплотой. Хочу их запомнить, чтобы потом доставать все это из шкатулки воспоминаний и про себя возвращать».

«Нет подключения к интернету», – выкатил обреченно компьютер, как будто сговорившись заодно.

«Да кто бы мог подумать? Сюда не дошла цивилизация!» – Ноутбук был со свистом захлопнут и полетел на подушку в угол нетронутой и аккуратно заправленной еще мамой кровати.

«Ну что ж. Тогда без вариантов! Нужна разведка боем», – решила Нинель. Мелкими перебежками, оглядываясь и прислушиваясь к каждому шороху, она выбралась во двор.

Прячась за густыми деревьями и выбирая наименее открытую траекторию движения в промежутках пустующих улиц, она пробиралась вглубь городка. Нинель, как могла, избегала пересечений с редкими встречными, то обгоняя их, то убегая от них. После получаса все казалось не то чтобы привычным. Не та формулировочка. Не пугающим и не

необычным.

«Ну вот. Даже к адреналину можно привыкнуть. Все не так уже безнадежно», – подбадривала себя Нинель. Все, казалось, по плану, если бы не одна необычность. Большая серая кобыла с темными глазами неторопливо подошла к девочке сзади, протянула к ней любопытную морду и обнюхала ее с ног до головы.

«Что? Что ты от меня хочешь? Вообразите только! Чего тебе?» – С горчинкой в голосе, раздраженным движением Нина отталкивала локтем надоедливую лошадь.

Нинель пошарила в карманах и нашла леденцы.

«На, ешь», – протянула она было лошади, но последняя осталась равнодушна к ее угощениям.

«Тогда чего тебе?» – Лошадь продолжала жаться к ней мордой и шарить носом по рукавам. И тут Нина стала вглядываться в морду странного животного, прищурив глаза. Она вглядывалась не столько в тень, сколько в собственную память.

Когда-то, когда она была девочкой, Нина часто играла с молодой серой кобылой. Ее звали Малышкой. Они были большие друзья. Днями напролет Нинель кормила ее лопухами, гладила кудрявую гриву, доставала из нее колючки репейника – и к концу дня сама пахла как лошадь. Ей нравилось возиться с большим животным, а оно отвечало ей взаимностью. Между ними была настоящая дружба, такая, о которой пишут в хороших и добрых книжках. Иногда, когда

Нинель было грустно, она прибегала к своей Малышке, не боясь подходила к ней впритык и в связи с маленьким ростом поднималась изо всех сил на цыпочках прямо под морду, чтобы обхватить кобылу за шею. Малышка в такие минуты нежности обнимала девочку в ответ, опуская горячую морду ей на спину. Нинель чувствовала, как шумное дыхание большого животного пробегает жаром по ее спине и волосам. Она слышала, как стучит его большое и могучее сердце, чувствовала, как качается густая грива у нее за спиной и как Малышка ее любит. Так они стояли, как два дурака, обнимая друг друга, и они были счастливы вместе. Однажды взрослые решили, что содержать молодую не стельную кобылу очень хлопотно, и купили ей взамен восьмигодовалого трудового коня. Нинель объяснили, что Малышка стала рыжей, мол, такое бывает, но девочка, конечно, не поверила. Настоящую дружбу обмануть невозможно. Ее невозможно обмануть даже здесь, на другом конце сновидений.

Нинель обхватила кобылу руками, зарылась носом в ее гриву и закрыла от счастья глаза: «Малышка. Это ты! Конечно, это ты. Где же ты была, моя дорогая? Ма-лы-ы-ышка. Если бы только знала, как я соскучилась».

Кобыла качала в ответ головой и, казалось, могла бы заплакать вместе с Нинель, если б умела. Она молчаливо стояла, как всегда, рядом и преданно искала мордой ее руку.

«Ну вот, теперь у меня есть настоящий друг. Ты не оставила меня одну, спасибо тебе». – Девочка жалась к лошади

всем своим угловатым тельцем и гладила, гладила ее гриву.

Рис. 3. «Малышка и Нинель»

Пробежав касанием руки вдоль лошади, Нинель сходу нашла нужный приступок, подвела к нему лошадь и легким скользящим движением уже привычно перебросила ногу на нее.

«Ну, давай оглядимся. – Нинель рывком подала корпус вперед, слегка ударив ногами по бокам лошади. – Но-о!»

Послушное тело большого животного под ней начало раскачиваться, ускоряться и рывками перешло в галоп. Волосы Нинель, растрепанные от врывавшегося в лицо ветра, перемешались с густой гривой Малышки. Движения Нинель, сидящей верхом, попадали в такт движениям бегущей лошади, и, казалось, они абсолютно сливались по принципу одного существа. Теперь это была не боявшаяся каждого шороха девочка, а уверенная, с сильным взглядом и гордой осанкой, Нинель. Шумно забирая ноздрями на бегу воздух, лошадь послушно вторила своей наезднице и старательно била копытом. Когда они выбрались за город на вершину ближайшей горы, чтобы осмотреться, вечер уже занимался и обещал быть, как и прошлый, холодным. Она осмотрела город. Он обвивался вокруг высокого склона, ластился к его ногам, огибал его и был похож за каменную реку из домов, дорог и не горевших светофоров. Он не пестрил светодиодными огоньками и разноцветными рекламными полосками, а неподвижно погружался в вечерние сумерки, натягивая на себя покрывало из перистого тумана.

«И ему холодно», – подумала Нинель, растирая руками озябшие плечи». Нет, так не годится! – Нина рывком встала и обняла «боевую подругу». – «Я здесь замерзну. Я не могу ночевать здесь. И ты меня не согреешь. Надо возвращаться. По крайней мере, до завтра».

Она поцеловала кобылу в шершавую щеку и похлопала по покатым бокам: «Ну, родная, едем!»

Глава 4

Эта была долгая ночь. Когда Нинель добралась до своего нового дома, было уже далеко за полночь.

«Эх, – спрыгивая с лошади, сказала Нинель, – все, чего хочу, так это горячего чая и вчерашних котлет. «Она повернулась лицом к лошади и, как будто та разделяла ее монолог, повторила: «Все что хочешь за кот-ле-ты. И теплое одеяло». Она отпустила Малышку в приволье, похлопав рукой по спине, и направилась в сторону дома.

«Юг. Юг, – буркнула Нинель, – а вечером холодно как в холодильнике».

Открыв скрипучую дверь темного подъезда, Нинель остановилась. Странное и знакомое чувство заставило ее замереть. Своим затылком, спиной и даже пятой приятностью она чувствовала и даже знала, что сейчас и именно сейчас на нее пристально, словно в прицел, смотрит не одна пара глаз. Этот необычный, но все-таки дар Нина когда-то успешно применяла в школе при списывании. Она безошибочно определяла удачный момент для шпаргалок. Так и сейчас. С любопытством повернувшись носом через плечо, она увидела, как со всех сторон ее вчерашние соседи тихо, но решительно направляются к ней и окружают ее.

«Бежать не стану, – что-то решилось внутри. – Не стану, и точка».

В одно мгновение толпившиеся люди обступили Нинель, толкались и молчаливо смотрели на нее во все свои большие глаза.

«Привет лунатикам!» – иронично махнула рукой Нина, но в ответ ничего не последовало. Люди, как и прежде, стояли и с внимательным видом смотрели на нее. Юмор здесь не понятен. – Да, здесь не очень-то любят общаться». Никто не торопился начать разговор первым.

– Эй, ты кто? – спросила она мальчишку, который стоял все время рядом и, казалось, сам готов был присоединиться к объятиям. Он был высокого роста, выше всех отдельных детишек, с большими круглыми коленками, возраста шести лет.

– Я – Мишка, – сказал мальчуган, шмыгнув большим несуразным носом. – Я здесь живу. Пока, – со значительным видом закончил свое представление Мишка.

– Ха! Конечно! – выкрикнул со спины Нины мелкий мальчишка с острыми глазками. Он был маленького роста, со взрослым взглядом, в коротких несуразных штанах.

– Его мамка смыла как негодного. Не ждет его никто. Врет он.

– Молчи, Молчи-и-и, – закричал в ответ Мишка и замахнулся на негодяя палкой. – Моя мама... она... она знаешь какая? Она добрая, хорошая... просто много работает. Она ждет меня, я точно знаю, ей сейчас просто некогда. А я не глупый, не тороплюсь. Подожду ее пока. – Мишка отвернул

от всех свое лицо, закрывая свой конопатый нос рукавом мятой кофты.

– Ну что ты. Ну, Мишка. – Нинель слегка потербила его за рукав, желая выпустить конопатый нос на свободу. Мишка в ответ отдернул свою руку, не желая идти ни к кому в подчинение, сел на скамейку, почесал нос и продолжил:

– Моя мама, ее зовут Света. Она ходит на работу в большое белое здание с высоким крылечком. Она очень умная и хорошая.

Часть 2. Полет бабочки

Глава 1

Наша Света была обычным призраком в структуре предприятия со своими напряженными буднями и долгожданными выходными. Она представляла собой одну из миллионов маленьких и больших косточек, составляющих сложный скелет предприятия, за счет которых оно росло и передвигалось вперед. Работа – не денежная, но ответственная – иногда подстегивала ее потенциал и придавала ощущение значимости. Хорошее образование и хорошая работа были впитаны ей с молоком матери и занимали довольно весомую нишу в ее внутреннем ощущении «Я». Каждый из нас по-своему складывает свое «Я», расписывая роли своего участия в жизни, но вот Света с «синдромом отличницы» пророчила себя в большие начальники.

Работа в кризисные времена хоть и не ахти какая, но за счет еще оставшегося со времен перестройки большого масштаба и социальных гарантий могла со временем послужить ей хорошим трамплином вперед. Когда-нибудь, но а сейчас обычное сонное утро понедельника.

В конце длинного коридора на своем «заслуженном троне» в виде огромного стола с раскрытым журналом явки с од-

ной стороны и коробкой с ключами с другой сидела верховный координатор служебной посещаемости – женщина средних лет пышной наружности, вахтер и по совместительству кладовщик, уважаемая Ольга Петровна!

Ольга Петровна – одна из старожилов этого завода. Она видела еще в 90-х его волшебное перемещение из государственного кармана в частный, и была, мягко говоря, женщиной неординарной. Неделю назад на проводах на пенсию финансового директора завода – Глафиры Семеновны Шпах, отработавшей 35 лет и являющейся заслуженным работником и акционером, Ольга Петровна произнесла оригинальный, на взгляд Светланы, тост. Она воскликнула: «Ну, Гла-ня, за тебя по-цирковому».

С невозмутимым видом поставила стакан сбоку на пятку, подняла его вверх вместе с ногой и оборками юбки и, громко крикнув, опрокинула содержимое в рот. Присборенная юбка Ольги Петровны неловко поднялась вместе с ее ногой следом, отразив при этом ее удивительную гибкость, и запечатлелась на лицах окружающих. И сейчас Ольга Петровна как ни в чем не бывало каждое утро встречает всех с улыбкой и желает удачного дня. То ли потому, что ее все любили за открытый и доброжелательный характер, то ли потому, что терпели, а может и уважали за выслугу лет, то ли просто все к ней привыкли, но, несмотря на свои «прибамбасы», она продолжала работать и создавать необычно значимый вид. Лично для Светы наличие такого контингента в стенах за-

водоуправления было загадкой, которую она поклялась себе разгадать до своего увольнения. Не дай-то Бог, конечно. Тьфу, тьфу.

Видя еще сонное лицо Светланы издалека, Ольга Петровна расплылась от удовольствия и по обыкновению вступила.

– Света, Светочка, Светлана! Сегодня утром встала рано! – Далее последовала тихая тирада из хихиканий. Понимая, что Света недавно вышла замуж, та без конца шутила с ней на «эти темы». Она, с видом проницательным и все понимающим, всегда почему-то загадочно улыбалась и смущенно опускала глаза.

– Ольга Петровна, здрасьте. Это вы о чем?

– Ну как это о чем? – промычала Ольга Петровна. По маслянистому ее лицу растеклось невольное недоумение.

– Встала рано – легла поздно.

– А... вы... в этом плане. Ключик дадите?

– Конечно. Знаешь. В наше время мы вообще не спали. Некогда было! Ночь кое-как выспишься... утром уже на работу – а зато рождаемость! ОГО-ГО! На этих словах Ольга Петровна загадочно подняла вверх указательный палец. А в семьях по двое-трое было. Это сейчас одного родят с горем пополам, а потом вокруг него изводятся. Вот жизнь пошла. Ольга Петровна неожиданно встала, хлопнула своей рукой по Светкиному плечу, так что у последней подкосились ноги, и с выражением святого отца, дающего ответственное наставление, сказала: «Ну, Бог в помощь!»

Света так и не поняла, на что получила сие благословение. То ли на удачный рабочий день, то ли на семейную рождаемость. Так или иначе, трудовая неделя была распечатана. Перед глазами все тот же товарищ компьютер, успевший изрядно измозолить глаза и чертовски надоеть.

«Всем доброе утро», – прорезало кабинетную тишину обычное приветствие начальника отдела.

«Доброе», – в своей голове буркнула Света, но озарила себя лучезарной улыбкой, вытянулась вся как по струнке и сообщила: «Доброе утро, Руслана Тихомировна, как прошли ваши выходные? Чем занимались? Погода какая стояла чудесная. Может, выбирались куда?»

Последовал оживленный ответ руководства, который уже не имел никакого значения. В голове крутилось лишь одно желание – спать; ну еще одно, скорее не желание, а необходимость – кружечка горячего кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.